

Геннадий Снегирев
Охотничьи истории

«ЭКСМО»

Снегирев Г. Я.

Охотничьи истории / Г. Я. Снегирев — «Эксмо»,

ISBN 978-5-457-12429-5

«Мой дедушка – охотник, мы живём в избушке около ручья. И ещё с нами живёт Чембулак. Это такая собака: она у меня кусочки выпрашивает, когда я ем...»

ISBN 978-5-457-12429-5

© Снегирев Г. Я.
© Эксмо

Содержание

Чембулак	5
Меня берут на охоту	8
Чембулак зазнаётся	9
Чембулак и рысь	10
Меховые лыжи	11
Северные олени в горах	14
Приехали	15
Белая собака	17
Голодные медведи	18
Князёк	19
Медвежья шкура	20
«Зверный» олень	23
Хариусы	25
Пыжики	26
Белый пыжик	27
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Геннадий Снегирев Охотничьи истории

Чембулак

Мой дедушка – охотник, мы живём в избушке около ручья. И ещё с нами живёт Чембулак. Это такая собака: она у меня кусочки выпрашивает, когда я ем.
Дедушка сердито скажет:

– Не стыдно попрошайке!

И Чембулак от стыда виляет хвостом.

Я у дедушки спросил, почему он мне ничего не говорит, а только Чембулаку.

– Потому, – сказал дедушка, – что ты ещё маленький, а Чембулак уже седой!

И правда, у него в усах и на шее белые волосы.

Садимся мы обедать, и Чембулак тащит свою миску в зубах. Дедушка наливает всем поровну: ведь Чембулак вместе с дедушкой ходит на охоту.

Недавно дедушка собрался в деревню за мукой, а меня оставил в избушке с Чембулаком.

– Вот ваш хлеб с маслом, а к вечеру я приду. Да не обижай собаку!

Я его не обижал, он меня первый обидел. Стал я есть хлеб, думаю: «Половину съем, а потом дам Чембулаку!»

Чембулак сидел на полу и смотрел мне в рот. А потом схватил со стола свечку и разгрыз. Дедушка подумает, это я свечку спрятал, чтобы потом зажигать!

Хотел я отнять свечку, а Чембулак как зарычит!

Залез я на стол и бросил в Чембулака валенок. Он завизжал и выбежал из избушки.

Вечером пришёл дедушка, а с ним Чембулак.

– Говори, за что Чембулака обидел, он ко мне в деревню прибежал и рассказал всё-всё!

Я испугался и сказал про хлеб. И про валенок тоже. Я думаю, и правда Чембулак всё дедушке рассказал. Это ведь не простая собака, а хитрая-хитрая!

Меня берут на охоту

Свое ружьё дедушка всегда чистит осенью. Чистит он его угольками. Вытащит из печки чёрный уголёк, разотрёт в порошок и порошком чистит.

Чембулак как увидит ружьё, сразу начинает ходить вокруг дедушки и показывать зубы. Это он так улыбается.

Дедушка чистит ружьё, а Чембулак всё улыбается, потому что его всегда на охоту берут, а меня нет.

– Я Чембулака больше за хвост дёргать не буду. Честное слово! – говорю я.

Дедушка уже знает, что я прошусь на охоту.

– Вот если неделю не будешь трогать Чембулака, тогда возьму.

Я очень обрадовался и всю неделю не подходил к Чембулаку.

Я помогал дедушке собирать вещи в мешок. Сначала мы положили одеяло, потом пшено, а сверху – кастрюльку и чайник. В кастрюльку дедушка положил хлеб, а в чайник – соль и железную баночку со спичками.

Я спросил, почему спички в баночке.

Дедушка сказал:

– Если мешок упадёт в речку, всё намокнет, а спички будут сухие. Можно разжечь костёр и всё высушить.

– Дедушка, а мы тоже упадём в речку?

Дедушка подумал и сказал, что мы тоже можем упасть в речку.

Тогда я ещё больше захотел на охоту. Мы положили в мешок две ложки, дверь в избушке подпёрли бревном и пошли в лес.

Чембулак зазнаётся

В лесу я шёл за дедушкой, а Чембулак бегал вокруг и искал дичь.

Чембулак держал прутик в зубах. Я хотел отнять прутик и позвал его. Но Чембулак даже не посмотрел в мою сторону.

Я хотел дёрнуть его за хвост, чтобы не зазнавался, но Чембулак убежал. Его не видно в кустах, только слышно, как он тяжело дышит.

Дедушка вдруг остановился и стал слушать.

Я тоже стал слушать. Тихо в лесу, только ветер гудит в сосновых ветках и синицы попискивают.

И вдруг: «Гам-гам-гам!» Потом ещё громче: «Гав-гав!..» И опять тихо.

Дедушка снял с плеча ружьё, мне велел сидеть под сосной, а сам быстро пошёл в ту сторону, где лаял Чембулак.

Дедушка выстрелил из ружья, и Чембулак больше не лаял, а я всё ждал и ждал. Мне стало страшно. Может, это медведь?..

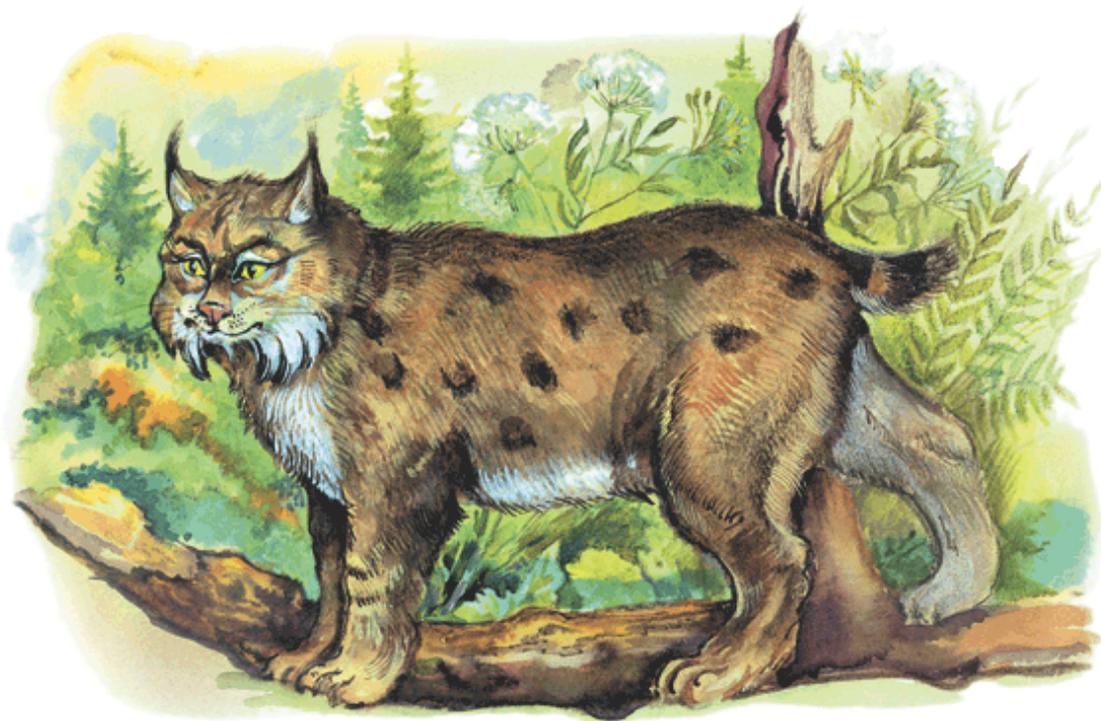
Я хотел бежать к ним. Но в это время трава закачалась, и оттуда выбежал Чембулак.

За Чембулаком вышел дедушка. Он нёс в руках большую чёрную птицу, голова у неё свешивалась до земли.

– Вот, – сказал дедушка, – какого глухаря убил!

А Чембулак сидел ко мне спиной и жмурился на солнце: он совсем зазнался!

Чембулак и рысь

Дедушка положил глухаря на сухие иголки под сосной, позвал Чембулака и пошёл в лес, а мне велел сидеть рядом, чтобы глухаря не утащила лиса.

Я лёг под сосной и потрогал глухаря.

Глухарь бородатый – под клювом у него растут перья. А брови у него красные-красные, как раздавленная клюкwa.

Глухарь мне надоел, и я стал смотреть на сосну. Сосна высокая. Она тихонько поскрипывает от ветра. Я смотрю на сосну, и мне кажется, что я плыву и земля плывёт, а облака стоят на месте. Голова у меня закружилась, и я закрыл глаза.

Вдруг кто-то запыхтел и стал лизать мои щёки.

Я громко закричал и вскочил на ноги: я думал, что это дикий зверь!

А это был Чембулак. Он тёрся боком о мои коленки и вилял хвостом. Я не смотрел на него. Я всё думал: почему он подлизывается?

Пришёл дедушка и вынул из кармана гриб.

На шляпке гриба были глубокие следы от острых когтей. Это рысь прыгнула с ветки на землю и задела лапой за гриб.

– Дедушка, ты убил рысь?

– Нет, – сказал дедушка. – Рысь убежала.

И тогда я понял, почему Чембулак подлизывается. Ведь рысь убежала, а Чембулак её не догнал. Наверное, он испугался рыси.

Меховые лыжи

Есть у дедушки меховые лыжи: сверху они деревянные, а снизу прибиты кусочки шкуры лосёнка. На таких лыжах хорошо ходить по глубокому снегу. Шерстинки вперёд скользят, а назад не пускают, топорщатся.

Дедушка после охоты оставляет лыжи в снях, чтобы они оттаяли.

Взял я раз потихоньку дедушкины лыжи, привязал к валенкам и пошёл в лес.

Там у дедушки на поляне целый стог сена.

Вышел я на поляну, а за стогом стоит лось и ест дедушкино сено. Он как лошадь, только ноги длинные и на голове две коряги.

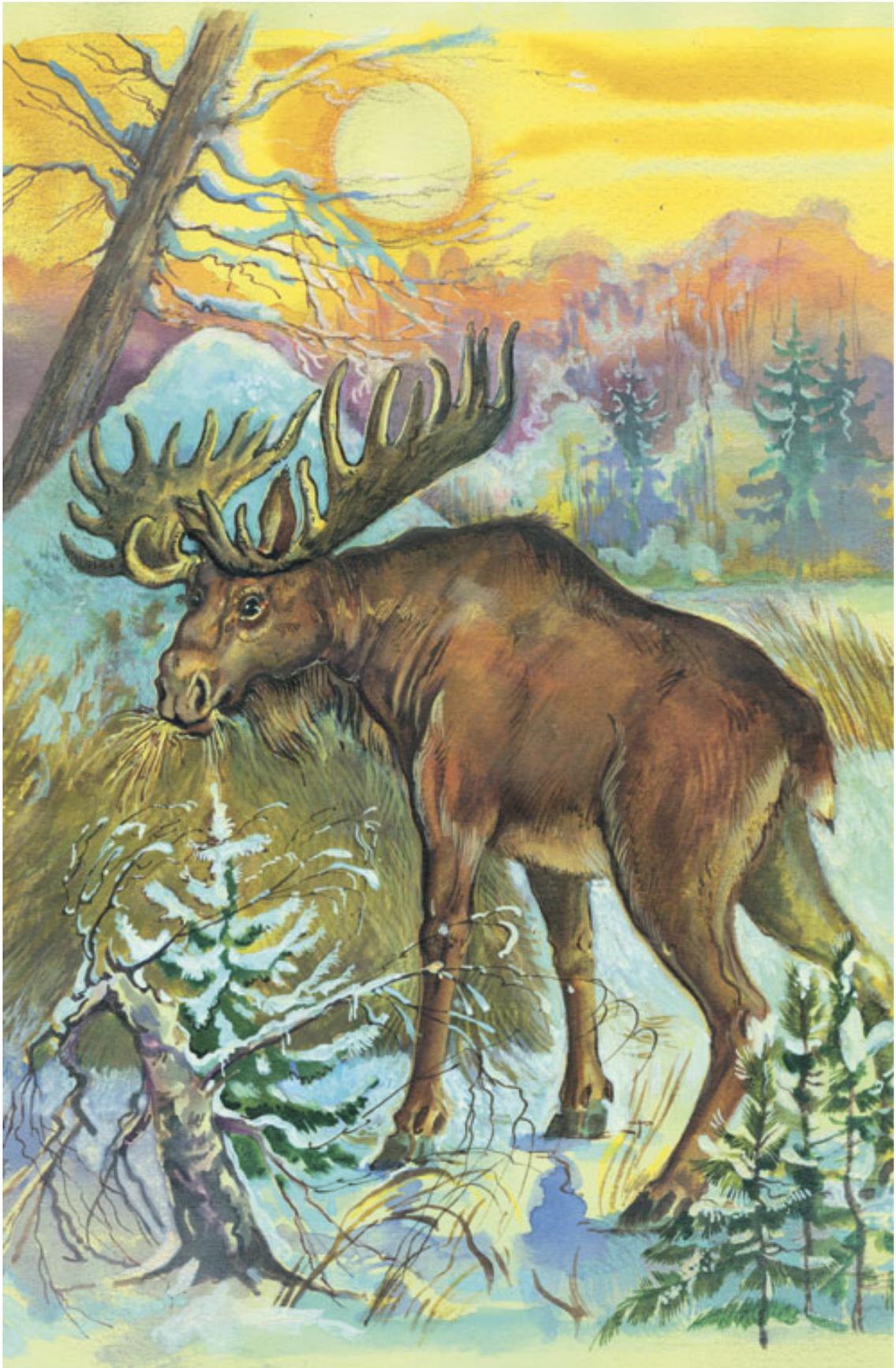
Лось поднял голову и посмотрел на меня.

И тут я подумал: «Ведь лыжи-то из лосёнка!»

Я сильно испугался и попробовал скорее повернуть, да никак не мог: лыжи очень большие!

Хотел попятиться назад – шерстинки топорщатся и не пускают!

Лось фыркнул и стал ко мне подходить. Может, он просто любопытный?

А вдруг лось меня забодать хочет за лосёнка, из которого лыжи сделаны?
Я выскочил из валенок и побежал босиком к избушке:
– Чембулак! Чембулак!..

Чембулак открыл дверь в снях и совсем не испугался лося, а бросился ему прямо под ноги. Лось остановился, нагнул голову и стал кружиться на одном месте, а Чембулак громко лаял.

Я боялся, что дедушка проснётся и спросит, где лыжи.

Чембулак прогнал лося, а потом притащил валенки вместе с лыжами.

Он их прямо волочил по снегу в зубах.

Валенки я отвязал, а лыжи поставил в сени на старое место.

На поляне остались следы: две полосы от лыж и между ними ямки от моих ног.

Вечером поднялась метель, замела все следы, и дедушка ничего не узнал.

Северные олени в горах

Много дней мы ехали по тайге на лошадях. То они вязли в болоте, то спотыкались на камнях и падали. Лошади с трудом продирались сквозь чащу, а когда мы переправлялись через горную речку, лошадь повалило течением, и я чуть не утонул.

И каждый раз наш проводник, тувинец Чоду, говорил:

– На оленях мы бы уже в горах были!

И мне хотелось поскорее увидеть оленей: что это за звери такие удивительные – без тропы по болоту бегом бегут и не вязнут и реки переплывают не останавливаясь.

Приехали

Перевалили через одну гору, через вторую, а на третьей уже не ёлки росли, а огромные кедры с обломанными верхушками. Медведи их обломали, чтоб добраться до кедровых шишек.

Впереди ещё гора. На ней ничего не растёт: всю землю сдуло ветром, остались одни камни.

Я хотел спросить Чоду, скоро ли мы доедем, да не успел. Внизу, под горой, я увидел белые мхи... и во мхах, как лодки на волнах, покачивались оленье спины и рога.

Мы спустились к чуму на берегу ручья. За чумом... я сначала подумал, что это целый лес обгорелых кустов, а когда пригляделся, оказалось – стадо оленей лежит, и не кусты это,

а рога. Каких только рогов тут нет! И высокие длинные, и ветвистые широкие, а у одного оленя столько отростков, что они загибаются вниз, за уши.

На земле рядами лежат брёвна, а к брёвнам привязаны оленята-пыжики. Рожки у пыжиков как два кустика, поросшие мягким чёрным мохом. Вместе с большими оленями их не пускают. Большой олень убежит от медведя, а пыжик ещё слабый.

А глаза у оленей добрые и печальные.

Белая собака

Собаки залаяли и побежали к нам. Я думал, они кусаться будут, такие большие и свирепые. Мы слезли с лошадей, собаки бросились и стали на нас прыгать и облизывать руки, а одна белая собака от радости визжала и покусывала мне ногу. Я спросил Чоду, чего они так радуются.

– Скучно им, вот и рады, что мы приехали!

Чоду закричал на белую собаку, она поджала хвост и отошла. Мне её стало жалко, а Чоду говорит:

– Беда с этой белой, её олени издалека видят и не поймут, что за зверь. Пугаются, бегут... потом их ищи!

Мне всё равно эту собаку было жалко: чем она виновата, что белая.

Голодные медведи

В чуме жена Чоду стала рассказывать, как ночью приходил голодный медведь, утащил оленью шкуру, разорвал её и съел.

Шкура сушилась совсем близко от чума, и жена Чоду очень испугалась, потому что медведь громко рычал и совсем не боялся собак.

– Хорошо, что оленей не тронул. Голодный был медведь, очень голодный! – сказала она.

Чоду стал ругать бурундуков.

Я ничего не понимал: голодный медведь съел шкуру, а виноваты бурундуки.

Оказывается, в этом году мало кедровых шишек поспело, да и те бурундук вниз спустил. Бурундуки набивали кедровые орешки за обе щеки и тащили в свои кладовки. В каждой килограммов по десять орехов, а таких кладовок у бурундука несколько. Медведям скоро на зиму ложиться в берлоги, а они жир не накопили, голодные бродят по тайге.

И опять Чоду стал ругать бурундуков, и я узнал, что бурундук сделал себе запасы на три года. И я тоже разозлился на жадных бурундуков за то, что они столько орехов запасли, а о других зверях не подумали.

Князёк

Всю ночь за чумом трещали сучья в костре, треск то удалялся, то приближался. И вдруг у самого чума как затрещит! Я думал, огонь добрался до чума, и выскочил на улицу, а это совсем не огонь, это олени копыта так потрескивают при каждом шаге. Я спокойно уснул. Утром меня разбудили олени. Они стучали рогами в стенку чума, просили соли. Олени очень любят соль.

Если олень полудикий, ему дают понемножку соль с ладони, и он приручается.

Днём все олени бегали вокруг костра-дымокура. Ветер свалил дым в одну сторону, к земле, и олени по очереди вбегали в дым – отгоняли от себя мошек и комаров.

Огромное стадо молча бегало вокруг огня, только слышно, как копыта потрескивают да рога стучаются друг о друга.

В стаде был один совсем белый как снег олень. Его называли Князёк. Он гордый, как настоящий князь. И рога у него как корона. Я насчитал шестьдесят четыре отростка.

Около чума сушился мешочек с мокрой солью, и земля стала немножко солёная.

Князёк всё время вылизывал солёную землю, а других оленей прогонял. Только не бил рогами, а поднимал переднее копыто и пугал. И все олени слушались его.

Однажды олени прибежали к чуму, а Князька нет!

Чоду поехал разыскивать его и далеко в горах нашёл рога и клочки белой шерсти.

Князька съел медведь. Он притаился за кедром, убил Князька, схватил передними лапами и унёс в горы.

Чоду сразу узнал это по следам: на земле белой шерсти не было, только медвежьи следы от задних лап.

Князёк погиб, потому что уходил один к горным озёрам.

Вода в озёрах синяя, и холодный ветер с горных вершин звенит в одиноких кедрах.

Медвежья шкура

Всю ночь около чума горел большой костёр. Чоду с карабином сидел у огня и прислушивался.

Я думал, медведь уже не придёт, и уснул.

Вдруг залаяли собаки. Они стали кидаться в темноту. Чоду подложил в костёр большое полено и...

«Уагг... уагг!..» – заревел медведь.

Глаза медвежьей от огня горели красными угольками.

Чоду выстрелил из карабина.

«Уагг... уагг... уагг!..»

Медведь тяжело повалился набок и ревел, ревел, а сам всё полз, полз к костру...

Он поднял голову. Чоду опять выстрелил.

«Уагг...»

Медведь последний раз зарычал, голова упала, огоньки погасли.

И Чоду стал отгонять собак от мёртвого медведя.

Шкуру с медведя сняли и повесили сушиться. На боках у медведя шерсть была совсем вытерта. Чоду сказал, что в берлоге был камень и, когда медведь зимой во сне ворочался, он стёр с боков шерсть.

Олени издали смотрели на шкуру, нюхали воздух, испуганно косились и не подходили.

Первым к шкуре подошёл коричневый пыжик, понюхал её и боднул чёрными рожками.

За ним подошёл оленёнок постарше, а потом все олени подходили и бодали рогами шкуру медведя. Они мстили за своего белоснежного Князька.

«Зверный» олень

Я каждый день взбирался на горку и смотрел оттуда, как пасутся олени. Они щиплют мох, а сами всё время вскидывают голову и оглядываются, нюхают воздух: не подкрадывается ли медведь?

Я видел у одного оленя царапину от медвежьего когтя. Медведь кинулся на оленя, да не успел схватить, только оцарапал.

Прошёл уже год, а рана всё не заживает – такая глубокая.

Поэтому олени ходят стадом. Один почует опасность, зафыркает, и все олени насторожатся и убегут.

Однажды я смотрел, как кружится орёл.

Когда он скрылся за высокой горой, на горе я увидел белую точку. Она ползла высоко-высоко по самому краю обрыва.

Я взял у Чоду бинокль. Оказалось, это олень щиплет мох, а хвост свой белый задрал кверху.

Ноги у него стройные и длинные.

Я побежал к Чоду и сказал, что высоко на горе бродит дикий олень.

Хвост у диких оленей больше, чем у домашних. Когда они бегут по тайге, белый хвост мелькает в чаще – показывает дорогу оленятам.

Чоду посмотрел в бинокль и покачал головой:

– Это не дикий. Его мать к диким убегала, а потом родился он от дикого «зверного» оленя, вот его и зовут «зверный» олень.

И Чоду рассказал, что «зверный» олень всегда держится один, подальше от остальных оленей, и не даёт под седло.

Зимой его поймали и отдали охотникам. Они привели его без глаза. Он хотел сбросить вьюки и так помчался по тайге, что выколол себе глаз об сучок.

И ещё я узнал, что «зверный» олень вдруг исчезает. Охотники рассказывают, что видели его на озере Найонхоль, за двести километров отсюда.

Потом «зверный» олень опять появляется, и сделать с ним ничего не могут. Он наполовину дикий и любит один мчаться по тайге и встречать восход солнца в снежных горах.

Хариусы

Весной среди карликовых берёзок бежит холодный ручей. В жаркий день снега на вершинах гор растаяли, и ночью я никак не мог уснуть – слушал, как речка шумит водопадами, гремит камнями.

К утру речка затихла, и только за чумом под высокими кедрами звенел струйками водопад.

Над водопадом висела радуга, а под радугой в речке сверкали перья жар-птицы.

Я подошёл, и перья исчезли. Я сидел на берегу очень тихо, и перья снова зажглись, задрожали в ледяных струйках. Это хариусы. Они плывут против течения, всё выше и выше в горы. И там, где самая чистая и холодная вода, они вымётывают икринки.

Плавник на спине хариуса красный и широкий, как парус. Он режет водяные струи водопадов и помогает плыть против течения.

Медведь стережёт хариусов на перекатах. Орёл-рыболов кружится в небе над речкой: не сверкнёт ли перо жар-птицы? Выдра караулит хариусов под водой, за поворотом ручья.

А хариусы плывут в своём брачном наряде всё выше и выше. На перекатах ползут на брюхе, перепрыгивают через водопады.

Всё выше и выше, чтобы выметать икринки в чистую воду среди горных снегов.

Пыжики

Днём олени бродят вокруг чума, ждут вечера. Вечером они убегут на всю ночь поближе к горам, где растёт много белого мха – ягеля. Ночью там настоящий мороз, и на рассвете можно полизать иней на камнях.

Взрослые олени бродят вокруг чума, а пыжики бегают к ручью.

Один пыжик встал посреди ручья и замер. Ушки кверху, стоит, вслушивается в тишину.

Ветер налетел, скрипнула ветка на кедре. Пыжик бросился бежать и исчез в карликовых берёзках, только рожки-огарки мелькнули.

Подошёл другой пыжик, напился, поднял голову и тоже замер, вода капает с мордочки.

Я хлопнул в ладоши, он прыгнул через ручей – да прямо в воду: ножки у него ещё слабые, не может допрыгнуть до берега.

Вечером около чума пыжики меня совсем не боятся. Подойдут и руки лижут – просят соли.

Днём к пыжикам не подойдёшь. Они бегают, бодаются, прыгают через ручей, тревожно следят за пролетающим вороном.

Пыжики играют в диких оленей, они готовятся стать взрослыми.

Белый пыжик

Наступила осень.

Однажды ночью подул ветер со снегом, и утром солнце хотя и растопило снег, но листики на карликовых берёзках покраснели.

К вечеру пыжиков привязали к брёвнам, а днём они гуляли с уздечкой – монгуем. На мордочку надевается кольцо из дерева, в кольце торчит палочка из оленьего рога, и за палочку привязывают переднюю ногу пыжика – на трёх ногах он далеко не убежит.

Каждый день мы пересчитывали пыжиков, но всё равно не уследили. Ночью белый пыжик отвязался от бревна и убежал за взрослыми оленями в тайгу, за грибами. Олени очень любят грибы. Медведи знают это и подкарауливают их ночью на тропах.

Утром мы с Чоду зарядили ружья пулями и пошли разыскивать белого пыжика.

В тайге было много звериных троп. Маралы и косули протоптали из чащи широкую тропу к водою и на солонцы под кедром, где земля солёная.

Мы нашли узкую заячью тропку. Она привела нас из чащи на поляну, где трава была зелёная и росли заячья капуста и молодые осинки. Но нигде не было следов от маленьких копыт белого пыжика. Только маральи следы да лосиные, а поверх них медвежьи, с глубокими дырками от когтей.

По маральей тропе мы пошли в горы. По сторонам от тропы валялись вывороченные камни. Это медведи разрывали бурундучьи норы, чтоб добраться до их запасов, и выбрасывали камни вместе с землёй. На одной лиственнице вся кора была содрана медвежьими когтями.

Чоду сказал, что медведи это дерево знают и всегда меряются, кто выше обдерёт кору зубами или когтями. И если медведь не достанет до самой высокой метки, он поскорей уходит из этой тайги: он знает, что есть медведь ещё больше его, которому он мешает охотиться.

Я спросил Чоду, почему медведи на лиственнице меряются, а не на кедре – ведь в горах больше кедров.

Чоду сказал, что у лиственницы кора мягче.

Я посмотрел на самую верхнюю метку и сказал Чоду, что надо поскорее найти пыжика.

В горах очень тихо. Чоду всё время кричал:

– О-оо-оо!

Так зовут оленей, когда дают им соль. Но пыжика нигде не было.

Мы хотели уже возвращаться, как вдруг услышали: где-то далеко закричал ворон. Над нами пролетел к нему второй – только слышно, как крылья шумят в воздухе.

Мы пошли в ту сторону и увидели огромные стволы мёртвых кедров: они лежали друг на друге, старые и почерневшие. Кедров росли высоко на вершине горы, вцепившись корнями в землю, и во время бури валились вниз с кручи. Это было кладбище кедров.

Три ворона сидели на чёрных ветках. Мы спугнули их и стали перелезать через стволы. В буреломе мы увидели белого пыжика. На мордочке у него болтался обрывок уздечки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.